

Фритредеры и протекціонисты въ первой четверти XIX вѣка.

I. Таможенная политика.

Таможенная политика въ концѣ XVIII вѣка. Хозяйственный укладъ жизни московскаго государства въ XVII вѣкѣ отличался примитивностью своей организаціи. Страна находилась въ рамкахъ натурального хозяйства и оставалась производительницей сельско-хозяйственнаго сырья, несмотря на развитіе кустарныхъ промысловъ и на зачатки крупнаго производства. Съ начала XVIII вѣка въ хозяйственномъ быту государства можно отмѣтить новыя явленія: благодаря завоеванію береговъ Балтійскаго моря, торговыя сношенія съ Западной Европой стали менѣе затруднительными. Постройка каналовъ, соединявшихъ центральныя губерніи съ Петербургомъ, облегчили доставку въ столицу припасовъ, предназначенныхъ для экспорта. Все это замѣтно отразилось на увеличеніи оборотовъ по внѣшней торговлѣ, непрерывно увеличивавшихся въ теченіе всего XVIII в. Съ другой стороны въ странѣ появились первые зачатки крупнаго производства, фабрикаты котораго до сихъ поръ покупались на Западѣ. Молодая промышленность при наличности свободной конкуренціи не выдержала бы соперничества съ европейскими фабрикатами, и правительству приходилось охранять ее и защищать таможенными тарифами. Благодаря послѣднимъ, къ концу екатерининскаго царствованія молодая промышленность быстро шагнула впередъ, и къ этому времени общее количество промышленныхъ предпріятій доходило до 3.161. Правительство довольно скоро оцѣнило всѣ выгоды крупнаго производства для интересовъ государства. Высокія таможенныя пошлины обыкновенно брались металлической

монетой, а развитіе крупнаго производства уменьшало иностранный ввозъ, создавая тѣмъ самымъ для государства благоприятный торговый балансъ. Съ этой стороны, правительство учло всѣ преимущества запретительныхъ таможенныхъ тарифовъ. На дѣлѣ же они приносили мало существенной пользы, такъ какъ фабрикаты туземнаго происхожденія были очень низкаго качества — страна не могла обходиться безъ иностранныхъ фабрикатовъ, и торговый балансъ не всегда складывался благоприятно для государства. Последнее обстоятельство вызывало безконечные споры между сторонниками покровительственныхъ тарифовъ и ихъ противниками.

Развитіе въ странѣ промышленности и торговли значительно увеличило удѣльный вѣсъ русской буржуазіи. Правительственная торговая политика должна была считаться съ ея желаніями и заявленіями. Вотъ почему правительство солидарно въ своей протекціонистской политикой съ большею частью русскаго купечества, такъ какъ и финансовыя интересы государства шли навстрѣчу желаніямъ русской буржуазіи. Такого рода правительственная политика встрѣтила серьезное противодѣйствіе въ широкихъ слояхъ дворянства, державшаго въ своихъ рукахъ весь земельный капиталъ, сохранившій и теперь свое доминирующее значеніе въ хозяйственной эволюціи страны, несмотря на развивавшееся крупное производство.

Дворянство не желало экономическаго и политическаго усиленія буржуазіи. Отсюда всѣ его стремленія направлены къ воздѣйствію на правительство въ смыслѣ радикальной перемѣны принциповъ таможенной политики и перехода къ фритредерству. Къ тому же дворянство, главнымъ образомъ, покупавшее продукты европейскаго производства, было заинтересовано въ отмѣнѣ протекціонистскихъ тарифовъ, благодаря которымъ приходилось переплачивать при покупкѣ товаровъ большія суммы. Кое-что изъ этихъ пожеланій удалось осуществить дворянству въ царствованіе Екатерины II.

Отмѣна разнаго рода торговыхъ привилегій, разрѣшеніе всякому заниматься любымъ промысломъ, покровительство правительства мелкому кустарному производству, разрѣшеніе дворянству торговать оптомъ сельско-хозяйственными продуктами и, наконецъ, переходъ къ болѣе либеральной таможенной политикѣ — вполнѣ соответствовали интересамъ дворянства, какъ землевладѣльческаго класса. Но такая политика не могла быть

долговѣчной. Либеральный тарифъ Екатерины II создалъ неблагоприятный торговый балансъ, и правительству пришлось вернуться къ принципамъ охранительныхъ тарифовъ, въ надеждѣ создать такимъ образомъ благоприятный торговый балансъ и улучшить финансовые ресурсы страны. Это и заставило правительство бороться съ дворянствомъ и пойти навстрѣчу буржуазіи.

Протекціонистская торговая политика, конечно, была необходима постольку, поскольку она охраняла молодое капиталистическое производство отъ конкуренціи съ болѣе развитыми въ промышленномъ отношеніи странами, и всѣ попытки дворянства дать другое направленіе торговой политикѣ должны были потерпѣть полное крушеніе, ибо ихъ политикой было стремленіе задержать хозяйственную эволюцію въ странѣ и свести до минимума значеніе крупнаго производства въ хозяйственномъ быту государства. И правительство, поддерживая протекціонизмъ, оказывалось болѣе прогрессивнымъ, чѣмъ землевладѣльческій классъ. Ставъ на сторону протекціонизма, правительство имѣло въ виду не столько промышленное развитіе страны, сколько надѣялось съ помощью такой политики пополнить финансовые ресурсы и исправить недочеты финансоваго хозяйства. Въ этомъ отношеніи вся политика правительства потерпѣла полное крушеніе. Напрягая всѣ усилія къ созданію благоприятнаго торговаго баланса, правительство въ то же время не знало, что состояніе государственнаго хозяйства и курсъ рубля зависѣлъ не отъ торговаго, а платежнаго баланса ¹⁾, благодаря системамъ внѣшнихъ и внутреннихъ займовъ, которыми заплатавались финансовые дыры въ бюджетѣ. Съ другой стороны, финансовые ресурсы страны требовали бережливаго къ нимъ отношенія. Политика же Екатерины II и ея преемниковъ была построена на противоположномъ принципѣ — крайне расточительной тратѣ денегъ, которыя шли на удовлетвореніе чрезмѣрныхъ потребностей двора, на армію, военныя нужды, подарки фаворитамъ... Вотъ почему, если таможенная протекціонистская политика отчасти могла вліять на состояніе нашего государственнаго хозяйства, повышая цѣнность ассигнаціоннаго рубля, то принятая система расходванія народныхъ денегъ достигала какъ разъ обратныхъ результатовъ, и даже запретительная политика не могла принести

¹⁾ См. «Книга для чтенія», т. II. стр. 638—примѣчаніе редакціи.

никакихъ существенныхъ результатовъ. При протекціонизмѣ была необходима умѣренность въ расходахъ, и только это могло поправить финансы государства.

Въ послѣднее десятилѣтіе царствованія Екатерины II правительство подѣ давленіемъ отчаянно плохого состоянія государственнаго хозяйства и низкаго курса денегъ — ассигнацій отказалось отъ принциповъ экономическаго либерализма и возвратилось къ системѣ запретительныхъ и покровительственныхъ тарифовъ. Паденіе курса ассигнацій — явленіе характерное для екатерининскаго царствованія; оно вызвано какъ слабостью нашего международнаго товарообмѣна, создавашаго для страны неблагоприятный торговый балансъ, такъ и интенсивной внѣшней политикой, поглощавшей огромное количество денегъ. Расходы по веденію войны не могли покрыться текущими поступлениями. Приходилось создавшіеся дефициты покрывать или внѣшними займами или выпускомъ ассигнацій. Заграничный кредитъ былъ очень дорогъ для Россіи, да фактически было невозможно обращаться чуть ли не каждый годъ къ займамъ. Оставалось одно неудобное средство — дальнѣйшій выпускъ ассигнацій, которыми и пытались заткнуть образовавшіяся финансовыя дыры. До какой неумѣренности доходило правительство въ своемъ выпускѣ бумажныхъ денегъ, нагляднымъ показателемъ могутъ служить слѣдующія данныя:

въ 1775 г. ассигнацій было на сумму	21.500000 руб.
> 1783 „ „ „ „ „	36.740.425 „
> 1786 „ „ „ „ „	46.219.250 „
> 1792 „ „ „ „ „	120.000.000 „
> 1796 „ „ „ „ „	157.703.640 „

Конечно, такое количество ассигнацій не соответствовало металлической наличности — постоянно чувствовался большой недостатокъ въ серебрѣ — размѣна ассигнацій почти не производилось, и ихъ курсъ падалъ. Во всѣхъ слояхъ общества говорили «о великомъ упадкѣ денежнаго курса въ Россіи», — но паденіе его объяснялось различно. Если часть купечества и нѣкоторые изъ представителей отъ правительства причину паденія курса видѣли въ слабомъ развитіи производительныхъ силъ страны, то коммисія о коммерціи во всеподданнѣйшемъ докладѣ стѣсенное состояніе денежнаго рынка приписывала «чрезмѣрному привозу разныхъ шелковыхъ дорогихъ ма-

терій и къ одной только роскоши служащихъ вещей, безпошлинному привозу нѣмецкихъ товаровъ и многихъ французскихъ... заготовленію и покулкѣ въ чужихъ государствахъ разныхъ вещей для находящихся въ предѣлахъ российскихъ войскъ»... Конечно, подъемъ производительныхъ силъ возможенъ былъ только въ очень далекомъ будущемъ. Переходъ къ запрети-тельной системѣ при такихъ условіяхъ былъ бы единственнымъ средствомъ для поднятія курса рубля. Въ этомъ отношеніи тарифъ 1793 года вполнѣ удовлетворялъ желанія правительства и купечества. Но торговая политика находилась и подъ воздѣйствіемъ другихъ причинъ. Такъ, когда вспыхнула французская революція, правительство Екатерины II, чувствуя полную невозможность остановить побѣдное шествіе французской демократіи, видѣло въ таможенной политикѣ вѣрное средство для борьбы съ революціей на экономической почвѣ. Отсюда рядъ запретительныхъ мѣръ по отношенію къ Франціи. Такъ, указомъ 8 апрѣля 1793 года, запрещался ввозъ изъ Франціи въ Россію какихъ бы то ни было товаровъ, и, кромѣ того, «дабы это запрещеніе, въ пользу народа издаваемое, въ точности исполнено было, въ отвращеніе подложнаго привоза товаровъ», запрещеніе ввоза вновь распространено на многіе однородные товары, откуда бы они ни привозились.

**Тарифъ
1795 г. и по-
литика
Павла.**

Эти положенія легли въ основу тарифа 14 сентября 1795 года, впрочемъ: никогда не введеннаго въ дѣйствіе, такъ какъ Павелъ I отмѣнилъ новый тарифъ и вернулся къ прежде дѣйствовавшему. Но борьба Павла съ Франціей не могла не отразиться такъ или иначе и на его таможенной политикѣ. Какъ бы Павелъ ни относился враждебно къ дѣйствіямъ и намѣреніямъ Екатерины II — онъ сходилъ съ ней во взглядахъ на революцію, на необходимость борьбы съ ней, нанесенія ей удара не только военной силой, но и соответствующей таможенной политикой. Вотъ почему правительство запретило ввозъ въ Россію изъ Франціи разнаго рода товаровъ, обложивъ другіе необычайно высокой пошлиной. Но международная политика Павла не отличалась устойчивостью. Павелъ I замѣтилъ, что союзники преслѣдуютъ цѣли, идущія въ разрѣзъ съ задачами и планами русскаго правительства, поставившаго себѣ цѣлью возстановленіе политическаго равновѣсія въ Европѣ. Австрія же мечтала о территориальномъ расширеніи на счетъ Италіи, а Англія — о господствѣ на морѣ.

И то и другое нарушало систему Павла и привело къ разрыву съ союзниками и немедленному заключенію мира съ Наполеономъ. Послѣдній хотѣлъ использовать дружбу съ Павломъ съ цѣлью разгромить Англію, панести ей непоправимое экономическое разореніе, и тѣмъ освободить Францію отъ опаснаго коммерческаго конкурента. Новая политическая комбинація отразилась на таможенной политикѣ. Правительство, чтобы нанести ударъ англійской морской торговлѣ, разрѣшило свободный ввозъ французскихъ товаровъ, запретивъ въ то же время вывозить изъ российскихъ портовъ какіе бы то ни было товары. Впрочемъ, вывозъ могъ быть разрѣшенъ по высочайшему разрѣшенію (10 марта 1801 года). Подобнаго рода распоряженіе, уничтожавшее нашу экспортную торговлю, грозило полнымъ разореніемъ купечеству и дворянству, продававшему на вывозъ сельско-хозяйственное сырье. Но оно никогда не было введено въ жизнь, такъ какъ на другой день Павла не стало, а его преемникъ отмѣнялъ указъ отца. Вполнѣ понятно, почему купечество и дворянство, весьма заинтересованныя въ развитіи нашего экспорта, привѣтствовали бурными восторгами вступленіе на престолъ Александра I.

Неустойчивая торговая политика Павла, считавшаяся больше съ международными конъюктурами, конечно, не могла содѣйствовать улучшенію государственнаго хозяйства. Увеличившееся количество ассигнацій на 55 мил. руб. и невыгодный платежный балансъ повелъ къ еще большому паденію курса сравнительно съ временемъ Екатерины II. Ассигнаціонный рубль терялъ $\frac{1}{3}$ своего достоинства. Его курсъ равнялся всего лишь $66\frac{1}{4}\%$.

Новый государь теоретически склонялся къ принципамъ экономическаго либерализма. Въ этомъ отношеніи Александръ раздѣлялъ взгляды своего учителя Шторха, находившаго всякаго рода стѣсненія въ торговлѣ весьма нецѣлесообразными. Но практически таможенная политика почти осталась безъ перемѣнъ, если не считать нѣкоторыхъ распоряженій, отмѣнявшихъ стѣснительныя и нелѣпыя мѣры Павла I. Молодому правительству приходилось считаться съ плохимъ состояніемъ нашего бюджета и, какъ послѣдіе стараго, низкимъ курсомъ ассигнацій.

Правительству не удавалось свести къ концу года смету безъ дефицита. Шумная, но безрезультатная виѣшняя политика едва ли не была основной причиной нашихъ хроническихъ

Экономическій либерализмъ Александра I.

Финансы.

дефицитовъ, прогрессивно увеличивавшихся съ каждымъ годомъ. Такъ:

въ 1801 году дефицитъ равнялся	7.069.794 руб.
» 1804 „ „ „	18.457.817 „
» 1807 „ „ „	26.228.198 „
» 1808 „ „ „	1240.17.535 „
» 1809 „ „ „	143.361.514 „

Для покрытія ихъ приходилось по старому прибѣгать къ займамъ. Впрочемъ, дефициты больше покрывались заимствованіями изъ ассигнаціоннаго банка, такъ какъ политическое положеніе Европы было мало благоприятнымъ для вѣшнихъ займовъ, и даже Англія, наиболѣе экономически развитая и богатая страна, чувствовала нужду въ деньгахъ, такъ какъ расходы ея по борьбѣ съ Наполеономъ, благодаря уплатамъ субсидій союзникамъ, сильно возросли и превышали и ея текущія поступления. Правда, правительство сознавало, что съ выпускомъ ассигнацій необходимо поступать очень осторожно; въ противномъ случаѣ, возможно полное разстройство денежнаго рынка, но требованія момента были настолько настоятельны, что приходилось отказываться отъ всякихъ теоретическихъ соображеній и не стѣсняться въ дальнѣйшемъ выпускѣ ассигнацій. Къ 1810 году всего было выпущено ассигнацій на сумму 366.694.546 руб., такъ что въ обращеніи всего состояло 579.373.880 руб., ассигнаціонный рубль стоилъ уже $\frac{1}{3}$ своего нарицательнаго достоинства.

Конечно, такое стѣсненное состояніе денежнаго рынка говорило не въ пользу экономического либерализма, какъ принципа нѣсколько преждевременнаго. Въ первые годы новаго царствованія торговый балансъ складывался въ пользу Россіи: такъ, въ 1805 году излишекъ равнялся 23.378 т. руб., по вывозъ нашъ попрежнему заключался въ сырьѣ, а ввозъ—въ фабрикатахъ, которыхъ или совѣтъ не было въ странѣ или были въ очень плохомъ состояніи. Такое отношеніе состава вывоза къ ввозу признавалось нецѣлесообразнымъ и невыгоднымъ для экономического процвѣтанія страны, безъ котораго и невозможно улучшение государственнаго хозяйства и повышеніе курса рубля. Отсюда необходимо было или измѣнить характеръ нашего вывоза или сократить ввозъ посредствомъ развитія національной промышленности и поднятія техники уже существующихъ промышленныхъ заведеній. Созданіе экономически-самодовлѣющаго государства было невозможно при условіи перемѣны таможеннои политики въ сторону экономического либерализма, такъ какъ

конкуренція болѣе развитыхъ въ промышленномъ отношеніи странъ могла задушить національную индустрію. Отсюда и вытекала цѣлесообразность покровительственной таможенной политики.

Уже въ промежутокъ времени отъ 1803 — 1807 года на нѣкоторые фабрики была повышена пошлина, но зато уменьшена на машины и бумажную пряжу, благодаря чему было положено прочное основаніе нашей хлопчато-бумажной промышленности, зачатки которой были уже и въ XVIII вѣкѣ. Но и въ дѣлѣ созданія національной индустріи правительство не могло выдержать опредѣленнаго курса, измѣлявшагося подъ непосредственнымъ давленіемъ международной политики, значительно вліявшей на нѣмъ товарообмѣнъ. Вліяніе международныхъ отношеній на таможенную политику особенно сказалось послѣ Тильзитскаго мира 1807 г., согласно секретнымъ условіямъ котораго Россія должна была приступить къ континентальной системѣ и пригласить къ тому же копенгагенскій, стокгольмскій и лиссабонскіе дворы, если Англія не приметъ посредничества Россіи и не заключить мира съ Франціей при условіи признанія ея независимости всѣхъ морскихъ державъ и возвращенія Франціи колоній, завоеванныхъ съ 1805 года. Англія отказалась заключить миръ на вышеназванныхъ условіяхъ, и Александръ I долженъ былъ принять рядъ мѣръ къ водворенію континентальной системы.

Указомъ 20 марта 1807 года запрещался привозъ англійскихъ мануфактурныхъ товаровъ. Торговля сношенія съ Англіей совершенно прекращались, подобно тому, какъ это было сдѣлано по отношенію къ Франціи въ 1793 г. Тогда же указомъ отъ 28 окт. 1807 года на всѣ находящіеся въ русскихъ портахъ суда и имущество англичанъ въ Россіи было наложено арестъ, а въ слѣдующемъ году было сдѣлано распоряженіе всѣмъ судамъ, находящимся въ Англіи, вернуться безъ груза. Торговать было возможно только подъ нейтральнымъ флагомъ. Какое значеніе для внѣшней торговли имѣло примѣненіе континентальной системы — могутъ служить примѣромъ слѣдующія данныя. Такъ, въ 1803 году прибыло изъ Англіи съ грузомъ 319 судовъ, а безъ груза 993 с.; отошло съ грузомъ 1.277, а безъ груза только 17. Другія государства, съ которыми Россія вела торговлю, занимали второстепенное и третьестепенное мѣсто. Закрывая таможенную границу для англійскихъ фабрикатовъ, безъ которыхъ господствующимъ классамъ было очень трудно обойтись, правительство тѣмъ самымъ

Указъ
20 марта
1807 года.

побуждало фабрикантовъ къ устройству фабрикъ, вырабатывавшихъ соотвѣтствующаго рода фабрикаты, и въ то же время вызывая крайнее раздраженіе по отношенію къ себѣ со стороны крупнаго землевладѣнія и оптоваго купечества. Крупное землевладѣніе уже сумѣло отчасти приспособить свое хозяйство къ новымъ условіямъ рынка, вложило въ землю нѣкоторые капиталы, и теперь разорялось при прекращеніи торговли съ англичанами¹⁾. Становились банкротами капиталисты²⁾. Цѣны на жизненные припасы удвоились или утроились. Континентальная система зато очень благопріятно отразилась на развитіи національной индустріи. Общее количество фабрикъ значительно увеличилось. Такъ, въ 1804 году число фабрикъ въ Россіи было 2.423, съ общимъ количествомъ рабочихъ—95.202. Къ 1814 году фабрикъ было 3.731, а количество рабочихъ равнялось 169.530. Изъ отдѣльныхъ видовъ производства сильно подвинулось впередъ бумаго-ткацкое; въ 1804 году всего было только 199 фабрикъ съ 6.546 рабочими, а въ 1814 общее количество фабрикъ равнялось 424 съ 39.210 рабочими³⁾. Увеличивается также желѣзно-чугунная промышленность. Быстрѣе увеличивается желѣзодѣлательная промышленность благодаря спросу заграничнаго рынка на желѣзо, зато медленнымъ темпомъ увеличивается чугуно-плавильное производство. Замѣтно также увеличеніе суконныхъ фабрикъ (въ 1809—136, 1814—233), что отчасти приходится поставить въ тѣсную связь съ освобожденіемъ купечества отъ обязательной поставки сукна въ казну и разрѣшеніемъ продажи его въ частныя руки. Зато фабрики, вырабатывавшія предметы роскоши — бархаты, зеркала, шелкъ, уменьшались количественно, встрѣчая сильную конкуренцію въ привозимыхъ изъ Франціи товарахъ, поставленныхъ въ очень благопріятныя условія по отношенію къ отечественному производству⁴⁾.

Особенно замѣтно сокращеніе шелковаго производства (съ 328 до 158). То же можно сказать относительно производства бархата, парчи, кружевъ, чулокъ, перчатокъ.

¹⁾ Въ 1804 г. отпущено за границу хлѣба на 8.143.883 п сала на 10.415.119, а въ 1807—1808 гг.—хлѣба всего на 4.460.530 п сала на 6.668.407 руб.

²⁾ Съ 1804—1807 гг. привозъ уменьшился почти на 16 мил. руб.

³⁾ За тотъ же промежутокъ времени производство ситца увеличилось болѣе чѣмъ 2 раза (1.462.428 ар.—4.448.840 ар.), а миткаля въ 4 раза (2.109.035—9.958.945), увеличивается также общее количество выдѣлки платковъ (504.103—1.271.000), одѣялъ (9.397—31.624), чулокъ (10.241—13.393).

⁴⁾ Французскій привозъ товаровъ въ 1806 г. равнялся 385 т. р. 1808 г.—301 т. въ 1809—1.511 т. р.

И международныя отношенія и принята система торговли ^{Положеніе о нейтральной торговлѣ.} политики вели государственное хозяйство къ полному банкротству. Правительству предстояло немедленно принять мѣры противъ надвигавшагося финансоваго банкротства, какъ путемъ перемѣны курса торговой политики, такъ и посредствомъ реформы денежнаго обращенія, съ цѣлью поднять цѣнность ассигнаціоннаго рубля и внести хотя бы нѣкоторую устойчивость въ системѣ денежнаго обращенія. Перемѣна курса могла заключаться единственно въ отказѣ отъ принциповъ континентальной системы—возобновленія торговыхъ сношеній съ Англіей и переходѣ къ покровительственной политикѣ и по отношенію къ французскимъ фабрикатамъ. Всему этому и должно было удовлетворить «Положеніе о нейтральной торговлѣ 1810 года». Для улучшенія торговыхъ сношеній былъ разрѣшенъ вывозъ товаровъ на нейтральныхъ судахъ и ввозъ на таковыхъ продуктовъ британскихъ колоній, — разрѣшался безпошлинно ввозъ сырья и нѣкоторыхъ полуобработанныхъ фабрикатовъ, снималась пошлина съ отпускаемаго за границу сырья (хлѣба, желѣза), но зато на ленъ, смолу, пеньку, соль, льняное сѣмя пошлины были повышены: на предметы потребленія: кофе, сахаръ — вводилась пошлина въ размѣръ 60% ихъ стоимости и, наконецъ, въ интересахъ «сокращенія непомѣрной роскоши и поощренія развитія промышленности», налагалась запретительная пошлина на тѣ продукты, безъ которыхъ находили возможнымъ или обойтись совсѣмъ или которые паходили возможнымъ производить внутри государства. На остальные же предметы производства наплачалась очень большая пошлина. Положеніе «о нейтральной торговлѣ» должно было улучшить торговый балансъ, хотя правительство не скрывало, что его введеніе можетъ повлечь за собою осложненіе отношеній между Россіей и Франціей ¹⁾.

Одновременно правительство задумало и финансовую реформу ^{Финансовая реформа.} для борьбы съ тяжелымъ финансовымъ положеніемъ государства. Выработка плана финансовыхъ реформъ была поручена Сперанскому, который въ 1810 году и представилъ его государю.

Сущность плана Сперанскаго заключалась въ памѣрненіи не только приподнять цѣнность ассигнацій, но возвысить ихъ до ихъ нарицательнаго достоинства. Согласно его проекту всѣ

¹⁾ Введеніе въ дѣйствіе тарифа 1810 года вызвало паденіе французскаго импорта съ 1. 511 т. руб. до 306 т. руб.

ассигнаціи объявлялись государственнымъ долгомъ, обезпеченнымъ всемъ достояніемъ государства. Рекомендовалось уменьшеніе общаго количества ассигнацій находившихся въ обращеніи. Съ этой цѣлью предполагалось прекратить дальѣйшій выпускъ ассигнацій и начать распродажу государственныхъ имуществъ, назначенныхъ для погашенія ассигнацій, установить также новые налоги на погашеніе ассигнацій и сократить вообще расходы.

Проектъ Сперанскаго былъ утвержденъ Александромъ I, но реформа эта не достигла цѣлей: 1) распродажа государственныхъ имуществъ шла очень медленно и не дала желательныхъ результатовъ, и общее количество бумажныхъ денегъ — ассигнацій уменьшилось въ общемъ на небольшую сумму. Да и самый выпускъ ихъ продолжался впослѣдствіи, такъ какъ ежегодный дефицитъ сталъ хроническимъ явленіемъ. Съ 1811—1817 г. было выпущено ассигнацій на сумму 256.624.820 руб., а всего состояло 836 милл. Чрезвычайно богатыми въ смыслѣ выпуска ассигнацій были года 1812—1813, когда было выпущено ассигнацій на сумму 167.940.000 руб. Понятно, что ихъ курсъ, нѣсколько поднявшійся въ 1811 г. ($26\frac{2}{5}\%$), снова сталъ падать, доходя въ 1814—1815 году до 20% . Средній же курсъ все время равнялся $25\frac{1}{3}\%$. Паденіе курса произвело на правительство такое ошеломляющее впечатлѣніе, что въ 1812 г. оно нашло своевременнымъ узаконить биржевой курсъ ассигнацій. Одновременно съ манифестомъ о реформѣ денежнаго обращенія правительство вводило въ дѣйствіе и новый тарифъ 1810 г., запретительный по своей тенденціи. Особенно страдалъ отъ него экспортъ Франціи, такъ какъ на предметы роскоши налагалась пошлина въ размѣрѣ 50% ихъ стоимости. Но и новый тарифъ не оправдалъ ожиданій. Торговля не налаживалась. Съ Англіей формально были прерваны дипломатическія сношенія, а Россія до войны 1812 г. придерживалась континентальной системы. Тогда, 6 (18) іюня 1812 года, съ Англіей былъ заключенъ мирный трактатъ, но военныя дѣйствія, разореніе страны не могли благоприятствовать экспорту изъ Россіи, хотя торговый балансъ складывался до 1816 года въ пользу Россіи, но въ общемъ нашъ вывозъ сырья значительно сократился ¹⁾.

¹⁾ Такъ, въ 1802—1804 гг. было вывезено пеньки 3.333.770 пуд. на сумму 8.724.026 руб., а въ 1814—1815 гг. было вывезено пеньки 2.939.466 пуд. на сумму 7.637.111 руб., увеличился незначительно вывозъ льна, парусного полотна, уменьшился отпускъ хлѣба, сала.

Таможенный тарифъ 1810 г. не оправдалъ возлагаемыхъ на него ожиданій и не задержалъ паденіе цѣнности ассигнаціоннаго рубля.

Въ 1815 году окончилась эпоха наполеоновскихъ войнъ. Вѣнскій конгрессъ возстановилъ нарушенное политическое равновѣсіе. Между союзниками окрѣпли дружественныя связи, измѣнились политическія отношенія державъ другъ къ другу. Все это не могло прямо или косвенно не отразиться на таможенной политикѣ. И дѣйствительно, тарифъ 1816 года несомнѣнно либеральнѣе всѣхъ предшеествовавшихъ. Въ манифестъ по случаю опубликованія новаго тарифа, между прочимъ, говорилось въ объясненіе причинъ появленія новаго тарифа: «во возстановленіи свободныхъ политическихъ и торговыхъ отношеній между европейскими державами, разсудили мы за благо, для пользы общественной, допустить нѣкоторыя перемѣны въ запретительной торговой системѣ». Разумѣется, уменьшая таможенные ставки, правительство это сдѣлало постольку, поскольку это было въ соотвѣтствіи съ финансовыми и экономическими нуждами страны. Пониженіе ставокъ на нѣкоторые фабрикаты, съ одной стороны, и полное запрещеніе ввоза для цѣлаго ряда другихъ продуктовъ, напр., для товаровъ желѣзной и текстильной промышленности — вотъ основныя черты «либеральнаго» тарифа.

Введеніе въ жизнь новаго тарифа не дало отрицательныхъ результатовъ. Правительство, конечно, больше всего интересовалось курсомъ ассигнацій. Какъ разъ послѣднія понизились весьма немного ($25\frac{1}{8}$ — $25\frac{1}{6}$), и уже одно это для защитниковъ фритредерства въ таможенной политикѣ являлось наилучшимъ доказательствомъ возможности примѣненія въ жизни фритредерскихъ принциповъ. Защитникамъ этихъ принциповъ удалось осуществить свои мечтанія въ болѣе реальномъ смыслѣ въ тарифѣ 20 ноября 1819 г. Это — наиболѣе либеральный тарифъ въ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка. По существу, однако, онъ оставался покровительственнымъ. Его экономическій либерализмъ единственно сказывался въ томъ, что было отмѣнено запрещеніе ввоза нѣкоторыхъ товаровъ и понижены таможенные ставки. Да и пониженіе послѣднихъ больше касалось сырыхъ продуктовъ и полуфабрикатовъ, нужныхъ для хлопчато-бумажнаго производства. Защитники запретительной системы встрѣтили новый тарифъ враждебно, указывая на его утопичность и отвлеченность и несоотвѣтствіе его принципамъ реальнымъ нуждамъ государства.

Либераль-
ные тарифы

Новый тарифъ, по ихъ мнѣшю, долженъ былъ принести странѣ экономическое разореніе и привести къ полному уничтоженію промышленности.

Слѣдствіе
тарифа
1819 г.

Введеніе новаго тарифа сказалось, прежде всего, въ усиленномъ ввозѣ къ намъ иностранныхъ фабрикатовъ.

Наплывъ иностранныхъ фабрикатовъ вызвалъ сокращеніе производства и закрытіе нѣкоторыхъ фабрикъ, не находившихъ возможности конкурировать съ продуктами европейской промышленности ¹⁾. Отсюда становится яснымъ недовольство, охватившее фабрикантовъ изъ дворянскаго и купеческаго сословій, указывавшихъ на экономическое разореніе страны.

Къ недовольству господствующихъ классовъ присоединялось и тяжелое финансовое положеніе, которое надѣялись исправить путемъ перемѣны таможенной политики. Послѣ войны 1812 года дефициты стали хроническимъ явленіемъ. Въ 1822 году онъ равнялся 351.244.048 руб., а съ невыполненными обязательствами онъ поднимался до 452.521.736 руб.

Такое разстройство государственнаго хозяйства требовало радикальныхъ мѣръ. Правда, послѣ введенія тарифа 1819 г. не произошло паденія курса ассигнацій. Наоборотъ, онъ увеличился съ 23.92 коп. сереб. до 26.81 коп. сер., что приходится поставить въ связь съ уменьшеніемъ количества ассигнацій ²⁾, находившихся въ обращеніи, благодаря изъятію ихъ изъ обращенія съ помощью займовъ. Но все-таки возвышеніе курса ассигнаціоннаго рубля шло медленнѣе уменьшенія въ общей массѣ ассигнацій, такъ какъ изъятіе изъ обращенія требовало большихъ суммъ, которыми правительство не располагало. Мало-по-малу министръ финансовъ убѣждается въ бесплодности своихъ усилій по выкупу ассигнацій. Для удержанія курса ассигнаціоннаго рубля необходимо было измѣнить тарифъ 1819 года и вернуться въ сторону протекціонизма.

Тарифъ
1822 г.

Протекціонисты одержали верхъ. Либеральный тарифъ 1819 г. былъ замѣненъ тарифомъ 12 марта 1822 года съ нарушеніемъ международныхъ обязательствъ, принятыхъ на вѣнскомъ конгрессѣ. Оставались безъ обложенія сырье и иностранные фабри-

¹⁾ Сокращеніе больше всего коснулось шелковыхъ фабрикъ (съ 162 до 142), сахарныхъ заводовъ (съ 51 до 29), немного сократилось общее число суконныхъ фабрикъ (съ 304 до 291). Но зато увеличилось количество фабрикъ по кожевенному, мыловаренному, свѣчному производству, какъ прочно стоявшимъ на ногахъ и выдерживавшимъ конкуренцію съ Западомъ.

²⁾ Съ 836 до 595 $\frac{3}{4}$ мил.

каты, на производство которыхъ внутри страны нельзя было разсчитывать; товары, производство которыхъ могло развиваться съ теченіемъ времени, облагались незначительной пошлиной; остальные предметы производства или облагались высокой пошлиной или совершенно запрещались. Таковы основныя черты охранительнаго тарифа, запретившаго ввозъ 300 продуктовъ и вывоза 21. Примѣненіе новаго тарифа вызвало оживленіе въ русской промышленности уже въ 1825 г. Увеличивается количество суконныхъ фабрикъ (съ 291 — 324), шелковыхъ (142 --- 184), шляпныхъ (77,— 89), такъ что русская буржуазія имѣла полное основаніе привѣтствовать новый тарифъ, ставившій себѣ цѣлью подъемъ русской промышленности при посредствѣ запретительной и покровительственной таможенной политики. Такъ экономическій либерализмъ въ таможенной политикѣ оказался весьма недолговѣчнымъ. Приходилось отказаться отъ его принциповъ не столько благодаря его отрицательному вліянію на экономическое состояніе страны, сумѣвшей выдержать въ нѣкоторыхъ производствахъ конкуренцію Запада, сколько благодаря ропоту и недовольству классовъ, державшихъ въ своихъ рукахъ торговлю и промышленность.

Правительственная компанія въ таможенной политикѣ вы-звали въ обществѣ большой теоретическій интересъ къ ея основнымъ принципамъ. На почвѣ ихъ обсужденія столкнулись интересы промышленной буржуазіи и землевладѣльческаго класса. Теоретическими спорами интересовались широкіе слои общества и принципиальное значеніе ихъ было гораздо шире первоначальной постановкой вопроса. Вопросъ шелъ не только о характерѣ хозяйственной эволюціи въ странѣ—нуженъ ли намъ капитализмъ или нѣтъ: за этой экономической проблемой скрывался политическій мотивъ — стремленіе дворянства сохранить свою привилегированную позицію. Въ этомъ отношеніи оно должно было стать на сторону либеральной экономической политики, такъ какъ ею задерживался переходъ къ капиталистическому строю и сохранилось политическое доминирующее значеніе за сельско-хозяйственнымъ капиталомъ, какъ единственной производительной силой въ странѣ. Либерализмъ, прикрытый интересами государства, долженъ былъ ослабить буржуазію и уменьшить ея удѣльный вѣсъ. Конечно, теоретическія предпосылки землевладѣльческаго сословія не соответствовали интересамъ буржуазіи. Отсюда ея стремленіе пересмотрѣть теоретическіе вопросы, выдвинутые дворян-
Дворянство
и буржуазія
въ XVIII в.

ствомъ, и новыми аргументами оправдать протекціонизмъ съ практической и теоретической точекъ зрѣнія. Обратимся къ этому спору и начнемъ съ фритредеровъ.

II. Фритредеры.

Экономическія идеи въ началѣ XIX в.

Начало царствованія Александра — моментъ значительнаго оживленія русскаго общества и пробужденія интереса къ политическимъ и экономическимъ вопросамъ. Правительство поспѣшило пойти навстрѣчу желаніямъ общества, въ особенности въ сферѣ теоретическаго обсужденія различныхъ экономическихъ вопросовъ. И общество и правительство въ началѣ XIX вѣка не остались безъ вліянія экономическаго ученія Адама Смита, въ связи съ нимъ обсуждавшіе и характеръ таможенной политики, и социальный вопросъ, и возможность его разрѣшенія въ томъ или другомъ направленіи. Такое нѣсколько запоздалое увлеченіе смитіанскими идеями приходится объяснить относительно позднимъ знакомствомъ русскаго общества съ основнымъ трудомъ Смита о «Богатствѣ народовъ», появившемся въ Англіи въ 1776 году, а въ Россіи только въ 1804 году.

Пионеромъ въ этомъ отношеніи являлся officialный органъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ — «С.-Петербургскій журналъ», на страницахъ котораго появилось изложеніе ученія Смита и сравненіе его съ французскими экономистами. Появленіе на страницахъ officialнаго органа ученія Смита должно было служить какъ бы программой правительственной экономической политики. И дѣйствительно, теоретически правительство было противъ системы запретительныхъ тарифовъ и склонялось въ сторону фритредерства. Вотъ, что писалось въ этомъ органѣ: «обязанность правительства очень легка. Оно не должно дѣйствовать, ему надлежитъ только не вредить, ему должно покровительствовать естественной свободѣ промышленности. Пусть оставитъ правительство всѣ запрещенія и одобренія, пусть не связываетъ его промышленности постановленіями своими и не думаетъ усилить ее награжденіемъ». Эти мысли совпадали съ планами мин. внутр. дѣлъ Кочубея — оставлять на свободѣ частную промышленность, имѣть, сколько возможно, достовѣрныя о успѣхахъ ея свѣдѣнія, доставлять ей въ случаяхъ необходимыхъ нужныя пособія, удалять отъ нея всякое стѣсненіе... Но эти

теоретическія положенія свелись только, какъ мы видѣли, къ отмѣнѣ указовъ Павла, но отнюдь не къ перемѣнѣ системы таможенной политики. Въ «С.-Петербургскомъ журналѣ» удѣлялось немало мѣста и теоретическому обсужденію разнаго рода экономическихъ вопросовъ, съ точки зрѣнія смитіанской доктрины.

Такъ, журналъ возстаетъ противъ исключительныхъ приви-Смитіанство
легій, находя ихъ существованіе вреднымъ для промышленности и социаль-
и стѣсняющимъ хозяйственную дѣятельность индивида. Съ точки ный во-
зрѣнія того же принципа *laissez faire, laissez passer*—трактуется
вопросъ, «должно ли правительство ободрять торговлю и фабрики
предпочтительно земледѣлію». Экономическій либерализмъ «С.-Пе-
тербургскаго журнала» сводился къ критикѣ покровительства
фабрично-заводской промышленности, чѣмъ и шелъ навстрѣчу
желаніямъ господствующаго класса дворянства. Но зато жур-
наль почти не касался крестьянскаго вопроса, хотя примѣненіе
къ нему основныхъ началъ Смита естественно поставило бы
на очередь вопросъ о ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній.
Официальный органъ предпочелъ помолчать, словно боясь раз-
зойтись съ дворянствомъ и не уловить его дѣйствительнаго на-
строенія. Если правительство, защищая фритредерство въ торговой
политикѣ, умалчивало о крестьянскомъ вопросѣ, то дворянство
въ этомъ отношеніи, какъ увидимъ впослѣдствіи, рѣзко заявило
себя сторонникомъ крѣпостного права, въ то же время убѣ-
жденно доказывая необходимость фритредерскихъ началъ въ
торговлѣ. Конечно, знакомство съ Смитомъ шло не только
черезъ официальный органъ. Его доктрину пропагандировали про-
фессора университетовъ, появлялись различные переводы его со-
чиненій. Исходя изъ принциповъ доктрины Смита, Якобъ, проф.
Харьковскаго университета, пришелъ къ выводу о большей вы-
годности для помѣщичьяго хозяйства вольнонаемнаго труда,
и, являясь сторонникомъ фермерскаго хозяйства, въ то же время
былъ противникомъ несвободнаго состоянія людей, отмѣна ко-
торого должна производиться въ извѣстной постепенности. Точно
такъ же и Шторхъ, защищая свободу торговли и невмѣша-
тельство государства въ область хозяйственныхъ отношеній,
выступалъ противникомъ крѣпостного права, какъ института,
задерживающаго подъемъ экономического благосостоянія страны,
что невозможно безъ свободы личности и безопасности собствен-
ности, не говоря о томъ, что вольнонаемный трудъ производи-

тельнѣе крѣпостного, да къ тому же послѣдній не только работаетъ хуже, но и стоитъ дороже. Пропаганда примѣненія смитіанскихъ идей въ сферѣ социальныхъ отношеній не прошла безслѣдно: ее усваивали представители крупнаго землевладѣнія, перешедшіе къ фермерско-оброчному хозяйству, и такой перемѣной экономическихъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ старались какъ-нибудь измѣнить создавшіяся крѣпостныя отношенія, если полная ликвидація ихъ была въ данный моментъ невозможна. Пропаганда смитіанской доктрины, по мнѣнію ея сторонниковъ, должна была имѣть и политическое значеніе, укрѣпляя принципы либерализма въ сферѣ «политическихъ отношеній». «Власть увидитъ, — писалъ Н. И. Тургеневъ, — что все благое основывается на свободѣ, а злое происходитъ оттого, что нѣкоторые изъ людей, обманываясь въ своемъ предназначеніи, берутъ на себя смѣлость смотрѣть и думать, за другихъ дѣйствовать и прилагать самое мелочное и всегда тщетное попеченіе».

Экономическая политик
на фритре-
деровъ.

Фритредеры александровскаго времени въ большинствѣ случаевъ видятъ въ Россіи преимущественно земледѣльческое государство. Слѣдовательно всякаго рода особенныя заботы о промышленности вредны, такъ какъ, будучи направлены противъ земледѣлія, онѣ задерживаютъ естественную эволюцію экономической жизни. Защита земледѣлія сводилась къ защитѣ экономического преобладанія дворянства.

Такъ, Шторхъ въ своемъ «Курсѣ политической экономіи», доказывалъ преимущество земледѣлія надъ промышленностью и возставалъ противъ тарифной политики, содѣйствующей ускоренію развитія промышленности. И вышеупомянутый проф. Якобъ также думаетъ, что Россія страна не промышленная, и нечего стремиться ускорять въ ней развитіе фабричной промышленности. Ничто не можетъ быть печальнѣе положенія фабричнаго рабочаго, приученнаго къ какой-либо простѣйшей операціи и вдругъ лишшающагося заработка, вслѣдствіе закрытія фабрики. Только такіе заводы, которые непосредственно связаны съ земледѣліемъ или вообще обладаніемъ земли, нужны для Россіи».

„Духъ жур-
наловъ“.

Борьба за фритредерство особенно усилилась въ періодъ 1815 — 1819 года, когда правительство переходило къ покровительственной политикѣ отъ запретительной, — какъ бы желая еще болѣе закрѣпить союзъ съ дворянствомъ, возникшій въ 1812 году, когда правительство и дворянство боролись и съ

физическимъ врагомъ — Наполеономъ и революціонными идеями, представителями которыхъ являлся тотъ же Наполеонъ и его армія. Выразителемъ фритредерскихъ и крѣпостническихъ идей въ одно и то же время являлся органъ — такъ называемый «Духъ журналовъ», издававшійся съ 1815 по 1819 годъ, періодъ наибольшаго экономическаго либерализма русскаго правительства. Защищая необходимость существованія крѣпостного права, «Духъ журналовъ» въ то же время доказывалъ опасность безземельнаго освобожденія крестьянъ, такъ какъ при такомъ способѣ ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній, «можетъ-быть, помѣщики въ томъ своихъ выгодъ не потеряютъ, хотя это еще весьма подлежитъ сомнѣнію, но мужики, навѣрно, будутъ разорены, какой бы оборотъ ни былъ въ этомъ дѣлѣ». При этомъ авторъ статьи ссылается на положеніе крестьянъ прирейнскихъ областей, гдѣ всѣ «вольны, какъ птицы небесныя, но такъ же, какъ сіи, безпріютны и беззащитны, погибаютъ отъ голода и холода. Свобода заставляетъ ихъ оставлять свое отечество, бѣжать за море искать себѣ пропитанія». Конечно, такого рода оцѣнка безземельнаго освобожденія вполнѣ справедлива и, конечно, журналъ правъ, возставая противъ такого рода либерализма въ сферѣ социальныхъ отношеній. Зато тотъ же журналъ очень рѣшительно защищаетъ принципы свободной торговли. Основные пункты отправленій статей, помѣщенныхъ въ «Духъ журналовъ», слѣдующіе: Россія — страна земледѣльческая и въ фабрикахъ не нуждается. Это лейтмотивъ большинства статей. Основой народнаго богатства служатъ: хлѣбопашество, скотоводство и овцеводство. Положеніе крестьянина гораздо обезпеченнѣе положенія рабочаго: «въ избѣ мужика тепло, обуто, одѣто, хотя и въ лаптяхъ; у фабричнаго: блѣдно, бѣдно, босо, холодно и наго». Помѣщики заботятся о нравственности крестьянъ, фабрика портитъ и развращаетъ, пріучаетъ къ разбою и злодѣйствамъ. При господствѣ запретительной системы приходится переплачивать огромныя деньги, идущія на обогащеніе фабрикантовъ: такъ, на одномъ только тонкомъ сукнѣ страна переплачиваетъ лишнихъ 35 мил. р. (ассигн.). Ничего подобнаго не могло бы быть при свободной торговлѣ. Авторы статей не скрываютъ, что введеніе въ жизнь новаго тарифа повлечетъ за собой разореніе тѣхъ фабрикъ, которыя возникли во время запретительной системы, но, по существу, отъ этого большой бѣды не будетъ, такъ какъ вслѣдствіе этого разорятся «многіе спекулянты или, сказать, прямымъ рус-

скимъ словомъ, грабители, на равнинахъ общественнаго состоянія создавшія огромныя свои надежды и богатства на счетъ бѣдности народной, падутъ въ прахъ, изъ коего имъ и выходить никогда бы не должно было. Самъ же народъ отдохнетъ отъ тягостей и лишеній, которыя принужденъ былъ терпѣть столь долгое время». Фритредеры прекрасно понимаютъ, что земледѣльческой *par excellence* странѣ, невозможно обойтись безъ фабрикаторовъ, выработка которыхъ должна производиться самими земледѣльцами въ свободное время. Другими словами, промышленнымъ производителемъ долженъ быть не фабричный рабочій, а кустарь-производитель. Введеніе либеральнаго тарифа 1816 г. редакція привѣтствовала слѣдующими ликующими словами: «Теперь можно прекратить все споры о мануфактурахъ и тарифѣ. Правсе дѣло восторжествовало! Монополисты побѣждены! Духъ журналовъ не вотьще подвизался. Да здравствуетъ мудрое благотѣльное правительство!»

И конечно, редакція имѣла полное основаніе торжествовать и воскуривать фиміамъ правительству: нанеслся огромный ударъ нарождавшейся буржуазіи, развитіе которой было нежелательно дворянству для удержанія за собой не только политическаго, но и экономическаго преобладанія. Правда, въ Россіи нѣтъ и не будетъ столь изящныхъ и чудныхъ руководѣлій, какъ въ Англіи, но зато у насъ нѣтъ нищихъ, народъ живетъ въ довольствѣ вообще, а не частно». Конечно, довольство народа находится въ тѣсной связи съ крѣпостнымъ правомъ, а потому и апологія его была вполне естественна. Къ тому же, разъ экономическое развитіе Россіи зависитъ отъ процвѣтанія земледѣлія, то, конечно, необходимо отстаиваніе крѣпостнаго права, на которомъ зиждилось все помѣщичье хозяйство. Итакъ, либерализмъ въ торговой политикѣ и консерватизмъ въ социальныхъ отношеніяхъ — вотъ программа, развиваемая на страницахъ «Духъ журналовъ», — органа землевладѣльческаго сословія.

Только что названный журналъ посвящаетъ много мѣста обсужденію разныхъ экономическихъ вопросовъ, но ему не удалось дать теоретическое оправданіе фритредерства, такъ какъ исходилъ онъ больше изъ практическихъ соображеній, нужды и положенія дворянства, нисколько не затрогивая вопроса, настолько фритредерская политика соответствуетъ выгодѣ самого государства. Для этого ни у руководителей журнала, ни у его со-

трудниковъ не было соответствующихъ знаний и образованія. Этотъ существенный пробѣлъ въ фритредерской литературѣ удалось заполнить Николаю Тургеневу, выпустившему въ свѣтъ въ 1818 г. знаменитый для того времени трудъ «Опытъ теоріи налоговъ». Тургеневъ выступаетъ защитникомъ фритредерства во всооружіи экономическихъ и финансовыхъ знаний. Недаромъ онъ слушалъ лекціи въ Геттингенскомъ университетѣ, въ которомъ политическій радикализмъ и экономическій либерализмъ нашли крупныхъ апологетовъ въ средѣ профессорской коллегіи. Трудъ Н. И. Тургенева былъ встрѣченъ обществомъ очень сочувственно.

Общественное и научное значеніе появленія этого труда можно охарактеризовать словами современника, юриста по образованию: «до перевода сочиненія графа Верти мы ничего не читали на русскомъ языкѣ о государственномъ хозяйствѣ. До перевода творенія Адама Смита мы ничего не могли знать о налогахъ изъ русскихъ сочиненій, и искусство опредѣлять и собирать подати считали непринадлежащимъ къ кругу свѣдѣній частнаго человѣка. То, что непосредственно насъ касается, почитали мы дѣломъ чуждымъ и отдаленнымъ отъ нашихъ выгодъ; то, что составляетъ общій предметъ нашего вниманія, мы признавали собственностью нѣкотораго только класса людей. Нынѣ другое получаемъ понятіе о финансахъ; дѣло общее становится предметомъ общаго разсужденія».

Значеніе
«Опыта теоріи
налоговъ».

Конечно, ничего удивительнаго не было въ томъ, что книга Тургенева произвела столь сильное впечатлѣніе на общество. Являясь теоретическимъ трактатомъ, она въ то же время составляла рѣзкую критику русской дѣйствительности, столь рѣзко расходившейся съ его теоріей. Правительственный механизмъ власти былъ основанъ на принципѣ подавленія личности каждаго гражданина, въ социальныхъ отношеніяхъ дворянство пользовалось исключительными привилегіями, и въ то же время многомилліонная крестьянская масса была лишена самыхъ элементарныхъ гражданскихъ правъ. Финансовая политика была основана на системѣ казеннаго интереса, совершенно игнорирующаго какія бы то ни было теоретическія основанія въ налоговой системѣ. Торговая и таможенная политика сводилась къ покровительственной и отчасти до 1816 г. запретительной системѣ. Всѣ эти элементы «старого порядка» подвергались въ книгѣ рѣзкой критикѣ. Государство должно преслѣдовать общую пользу,

Теорія
налоговъ.

общее благо, но осуществленіе послѣдняго достигается не при помощи подавленія свободы и лишенія права народа участвовать въ государственномъ управленіи. Въ основу государственной организаціи должна быть положена «свобода» — вѣдь «все благое основывается на свободѣ, а злое происходитъ оттого, что нѣкоторые изъ людей, обманываясь въ своемъ предназначеніи, берутъ на себя дерзкую обязанность за другихъ смотрѣть, думать, за другихъ дѣйствовать и прилагать о нихъ самое мелочное и всегда тщетное попеченіе». Такова характеристика просвѣщеннаго абсолютизма. Разъ все «благое» основывается на свободѣ, то отсюда, естественно, вытекаетъ право всякаго гражданина участвовать въ законодательствѣ, если граждане пользуются «сущностью», а не только «однѣми формами гражданской свободы». Рѣзко критикуя такую систему налоговъ, которая всею тяжестью падаетъ на простой народъ, авторъ «теоріи налоговъ» считаетъ, что въ правильно функционирующемъ государствѣ необходимо «отклонить тяжесть налоговъ отъ простого народа», для чего надо радикальнымъ образомъ измѣнить принятую налоговую систему, тѣмъ болѣе, что тотъ или другой характеръ налоговой системы можетъ или содѣйствовать экономическому развитію государства или задерживать его. Наиболѣе цѣлесообразной, по мнѣнію автора, является та система налоговъ, которая падаетъ на чистый доходъ гражданина, такъ какъ податная система всею тяжестью должна падать на тѣхъ, кто имѣетъ больше возможности платить. Простой народъ долженъ быть свободенъ отъ податного обложенія. Конечно, удовлетвореніе государственныхъ потребностей невозможно съ помощью только одного единого налога, какъ думали фізіократы. Государственный бюджетъ слагается за счетъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, но только соотношеніе тѣхъ и другихъ должно быть нѣсколько иное сравнительно съ прежнимъ: косвенные налоги должны занимать второстепенное мѣсто, первенство отдается прямымъ налогамъ, падающимъ на чистый доходъ отъ земли или капиталовъ. Прямой же налогъ, объектомъ обложенія котораго является «доходъ отъ работы», является несправедливой формой обложенія, какъ падающій на средства, необходимыя для поддержанія жизни. Развитіе въ государствѣ богатства возможно только при условіи существованія свободы и свободныхъ учреждений. Государство должно имѣть дѣло съ свободной индивидуальностью, какъ плательщикомъ налоговъ.

Въ связи съ финансовой политикой правительства. Тургеневъ касается и крестьянскаго вопроса. Недаромъ эта работа вызвала такой переполохъ въ крѣпостническомъ лагерѣ. Новая теорія налоговъ непримѣнима въ Россіи, пока въ ней есть рабство и существуютъ убѣжденія, что крестьянинъ не можетъ приносить дохода помѣщику иначе, какъ составляя его собственность. Народу необходимо дать личныя права, ограничить власть помѣщиковъ, такъ какъ нигдѣ не бывало, «чтобы народъ, которому правительство даровало священныя права человечества и гражданства, возставагь противъ виновниковъ своего благополучія». Возмущенія народныя всегда происходили отъ противнаго. «Благоустроенное государство, — говоритъ Тургеневъ въ замѣткѣ о крѣпостномъ состояніи въ Россіи, — не должно созидать своего благоденствія на несправедливости; угнетеніе одного класса другимъ не можетъ быть залогомъ благосостоянія великаго и нравственнаго добраго народа». Такъ, отрицаніе крѣпостнаго права необходима для процвѣтанія государства и усиленія его финансовой мощи.

Крестьян-
скій во-
просъ.

Возставая противъ какого бы то ни было насилія со стороны государства, такъ или иначе вліяющаго на хозяйственную дѣятельность человѣка, Тургеневъ особенно рѣзко относится къ меркантилизму съ его мелочной и непріятной опекой правительства, вмѣшающаго своими регламентами экономическому процвѣтанію страны. Наоборотъ, система физиократовъ съ ея принципами невмѣшательства и свободы конкуренціи — цѣнна для Тургенева постольку, поскольку она пріучаетъ «любить правоту, свободу, уважать классъ земледѣльцевъ, столь достойный уваженія». Но въ цѣломъ система физиократовъ — неосновательная система. Она построена не на конкретномъ матеріалѣ и слишкомъ рационалистична по своему характеру. Зато система Смита удовлетворяетъ вполне Н. Тургенева. «Изучая систему Смита, — говоритъ Тургеневъ, — занимающійся политической экономіей научается вѣрить однимъ только изслѣдованіямъ и соображеніямъ разсудка, простому здравому смыслу и всему, что естественно, непринужденно».

Раздѣляя основныя положенія доктрины Смита, Тургеневъ является сторонникомъ «свободной торговли». Онъ прекрасно понимаетъ, что для государства «выгоднѣе дѣлать свое сукно, нежели покупать его у иностранцевъ, но онъ удивляется тѣмъ, которые требуютъ запрещенія иностранныхъ суконъ, но при-

Свобода
торговли.

томъ и не подозрѣваютъ, что можно покупать сукна у иностранцевъ дешевле и лучшей доброты въ сравненіи съ своимъ, а деньги, употребляемые на выдѣлываніе собственного сукна, употреблять другимъ, болѣе выгоднымъ и болѣе приличнымъ образомъ для государства». Въ этомъ отношеніи авторъ близокъ къ взглядамъ «Духа журналовъ», и если бы въ книгѣ не было выпада противъ крѣпостного права и привилегій дворянства, то книга Тургенева только за эти слова встрѣтила бы сочувственное отношеніе въ крѣпостническомъ лагерѣ. Такая таможенная политика, соотвѣтствующая истинной пользѣ государства, вызываетъ недовольство въ соотвѣтствующихъ группахъ населенія, объясняя ее не чѣмъ инымъ «какъ недоброжелательствомъ правительства къ собственнымъ подданнымъ». Являясь принципиальнымъ сторонникомъ фритредерства, Н. Тургеневъ въ то же время прекрасно понимаетъ, что немедленный переходъ къ свободной торговлѣ — невозможенъ, такъ какъ «настоящее состояніе Европы и взаимныя отношенія государствъ дѣлаютъ таможенныя пошлины необходимыми». Но при установленіи ихъ нужно имѣть въ виду возможности свободной конкуренціи; въ данномъ случаѣ слѣдуетъ налагать незначительныя пошлины. Тогда условія конкуренціи для обѣихъ сторонъ будутъ совершенно одинаковыми.

Въ лицѣ Н. И. Тургенева фритредеры александровскаго времени приобрѣли серьезнаго союзника въ тотъ самый моментъ, когда начиналась борьба между протекціонистами и фритредерами по поводу либеральнаго тарифа 1819 г. Кромѣ книги Тургенева, въ фритредерскомъ духѣ появились и другія работы, въ которыхъ особенно рѣзко нападали на промышленниковъ, которые, благодаря системѣ таможенныхъ тарифовъ, являются хозяевами рынка и заставляютъ населеніе переплачивать большія деньги. Конечно, авторы не противъ промышленности, понимая, что послѣдняя является однимъ изъ источниковъ народнаго богатства, но развитіе ея будетъ успѣшнѣе при системѣ конкуренціи съ иностранными товарами, чѣмъ при помощи запрещенія послѣднихъ. Недостатокъ всѣхъ этихъ работъ тотъ, что полемика въ защиту свободной торговли носила слишкомъ отвлеченный характеръ и мало считалась съ дѣйствительнымъ экономическимъ развитіемъ Россіи и потребностями государства.

Протекціонисты.

Таможенная политика правительства вызвала не менѣе горячіе споры и въ лагерѣ протекціонистовъ, принужденныхъ теоретически оправдывать запретительную политику правительства и доказывать безусловность вреда либеральныхъ тарифовъ для національной индустріи и государственнаго хозяйства. Развитие первой непосредственно должно отразиться на улучшеніи второго — вотъ почему правительство должно повышенными ставками защитить національную индустрію отъ конкуренціи иностранныхъ фабрикатовъ. Сторонники протекціонизма принадлежали не только къ одному купечеству въ узкомъ смыслѣ этого слова. Классъ фабрикантовъ въ началѣ XIX вѣка пополнился лицами, принадлежавшими къ дворянству, и многіе изъ нихъ числились въ кругахъ высшей аристократіи. Больше всего это были сукопные фабриканты, заранѣе обезпечившіе себѣ сбытъ сукна казенными заказами.

Основныя
положенія
протекціо-
нистовъ.

Присутствіе въ лагерѣ протекціонистовъ представителей дворянскаго сословія придавало самому спору о направленіи таможенной политики характеръ борьбы между нарождавшимся промышленнымъ капитализмомъ и сельско-хозяйственнымъ, — борьбы, вышедшей за предѣлы прежняго сословнаго дѣленія XVIII вѣка. Правительство, помимо чисто практическихъ соображеній, принуждено было считаться и съ протекціонистами изъ дворянской среды, указывавшими на необходимость покровительства національной индустріи — въ противномъ случаѣ, вложенные капиталы будутъ изъяты изъ промышленности и будутъ обращены на другіе промыслы, болѣе выгодные для владѣльца капитала. Конечно, говорили протекціонисты, отъ этого произойдетъ паденіе промышленности, фабрики уничтожатся, и всѣ фабричные предметы будутъ привозимы изъ-за границы, да и установка цѣнъ всецѣло будетъ зависѣть отъ иностранныхъ фабрикатовъ. Протекціонисты не считали нужнымъ договаривать, что подобнаго рода таможенная политика создастъ неблагоприятный платежный балансъ, а это, въ свою очередь, прямо или косвенно отразится на вексельномъ курсѣ и цѣнѣ ассигнацій, самомъ больномъ мѣстѣ правительства. Выше было сказано, почему правительство стало сначала на сторону запретительной политики.

**Н. С. Морд-
виновъ.**

Среди теоретиковъ протекціонизма приходится первое мѣсто отвести адмиралу Н. С. Мордвинову — человѣку большого ума и огромной начитанности въ финансово-экономической литературѣ. Принимая близкое участіе въ управленіи государствомъ, благодаря послѣдовательному занятію разныхъ должностей въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, Н. С. Мордвиновъ имѣлъ полную возможность высказываться по разнымъ государственнымъ вопросамъ первостепенной важности, составляя по вопросамъ текущаго законодательства и политики докладныя записки, а иногда цѣлыя книги, посвященныя анализу того или другого вопроса. Среди всѣхъ докладовъ и записокъ финансово-экономическіе занимали преобладающее мѣсто.

Высказывая свои теоретическія соображенія, адмиралу Мордвинову приходилось полемизировать съ лагеремъ фритредерскаго направленія. Благодаря тонкому анализу ихъ положеній, Мордвинову не составляло особеннаго труда опровергнуть ихъ соображенія въ пользу принциповъ свободной торговли и относительно бесполезности и даже вредъ развитія въ странѣ фабрично-заводской промышленности.

У Мордвинова и фритредеровъ былъ общій учитель — Адамъ Смитъ. Раздѣляя его основныя положенія, Мордвиновъ въ дальнѣйшемъ развитіи своихъ экономическихъ взглядовъ оставилъ доктрину Смита, выработавъ свое оригинальное политико-экономическое ученіе. Н. С. Мордвиновъ, какъ и Смитъ, сторонникъ невмѣшательства государства въ область хозяйственныхъ интересовъ и отношеній, противникъ той опеки, которой полицейское государство стараго порядка связывало по рукамъ и ногамъ индивидуалистическую хозяйственную дѣятельность. Послѣдній принципъ Адама Смита Мордвиновъ принимаетъ съ нѣкоторыми оговорками. Отрицая борьбу интересовъ, какъ главный факторъ прогресса въ экономической жизни, и считая, что «благосостояніе государства зависитъ отъ благосостоянія частныхъ лицъ», Мордвиновъ тѣмъ самымъ приходитъ къ выводу, что все общество и въ особенности правительство заинтересованы въ развитіи промышленности. Вотъ почему послѣднее должно приносить нѣкоторыя жертвы на пользу національной индустріи. Требуя жертвъ и матеріальныхъ затратъ отъ правительства въ видѣ тарифа, устройства школъ, проведенія дорогъ, наступательнаго движенія на востокъ, Мордвиновъ въ то же время былъ противъ какой бы то ни было правительственной регламентаціи промышленности.

что и сближаетъ отчасти адмирала съ его учителями Смитомъ и Бентамомъ.

Въ противоположность русскимъ фритредерамъ, Н. С. Мордвиновъ не представляетъ себѣ цвѣтущимъ самодовлѣющее земледѣльческое государство. Для богатства государства и народа и для процвѣтанія самого земледѣлія необходимо развитіе національной индустріи, которая, по своей молодости, конечно, не можетъ выдержать конкуренціи съ болѣе промышленными странами, а потому, естественно, нуждается въ покровительствѣ со стороны государства. Разсматривая протекціонизмъ, какъ неизбежное явленіе въ хозяйственной эволюціи страны, Мордвиновъ въ нѣкоторомъ отношеніи предупреждаетъ нѣмецкаго экономиста Листа, во имя тѣхъ же принциповъ настаивавшаго на запретительной таможенной политикѣ. Необходимость и цѣлесообразность созданія національной индустріи — вотъ мысль, проходящая красной нитью черезъ всѣ его политико-экономическіе трактаты.

Мордвиновъ можетъ считаться также и ученикомъ Бентама, который, въ противоположность Смигу, обращалъ все свое вниманіе преимущественно на правовую сторону явленій, хотя послѣдняя была отчасти затронута и самимъ Смитомъ. Благодаря знакомству съ Бентамомъ, Мордвиновъ сильнѣе, чѣмъ фритредеры, выдвигалъ необходимость прочныхъ правовыхъ гарантій для развитія экономической мощи страны. Индивидуалистическая дѣятельность человѣка должна находиться подъ сѣнью неизблѣмыхъ законовъ, гарантирующихъ ему неприкосновенность собственности и личности. Развитіе народнаго богатства требуетъ самаго широкаго просвѣщенія народныхъ массъ: «только просвѣщеніе, — говоритъ Н. С. Мордвиновъ, — начало народнаго богатства. Не руки человѣка даютъ плодородіе землѣ, но ими процвѣтають художества, торговля, промышленность, не ими умножаются и возрастають денежныя капиталы: умъ и наука суть орудія богатства». Все это мысли, и для Россіи и для Европы почти незнакомыя въ то время.

Изъ этихъ основныхъ политико-экономическихъ положеній естественно вытекаетъ «политическое» раскрытіе народной массы, ибо «умъ и руки рабовъ» не способны къ порожденію народнаго богатства. «Свобода, просвѣщеніе, собственность и правосудіе суть существенныя и единственныя источники онаго. Дайте свободу мысли, рукамъ, всѣмъ духовнымъ и тѣлеснымъ качествамъ человѣка, предоставьте всякому быть тѣмъ, чѣмъ

Экономическіе взгляды Мордвинова.

его сотворилъ Богъ, и не отнимайте то, что кому природа особенно даровала. Мѣра свободы есть мѣра приобретаемаго богатства. Учредите общественную пользу на пользѣ частной.

**Финансовыя
взгляды.**

Высказывая свои соображенія по финансовымъ вопросамъ, Мордвиновъ рѣзко расходится съ взглядами правительства на причины тяжелаго состоянія государственнаго бюджета. Стремленіе поднять курсъ ассигнацій было одной изъ причинъ примѣненія запретительныхъ таможенныхъ тарифовъ, которые, въ концѣ-концовъ, такъ и не достигли своихъ цѣлей. По мнѣнію Мордвинова, поднятіемъ курса ассигнацій нельзя поправить финансовъ.

Хроническіе дефициты — результатъ жизни правительства сверхъ средствъ. Нельзя расходовать больше того, что даетъ страна. Отсюда естественно и вытекаетъ цѣлесообразность сокращенія расходовъ, ибо только это одно и можетъ внести нѣ-который порядокъ въ разстроенное государственное хозяйство. Помимо этого, такого рода финансовая политика вноситъ разстройство и въ частно-хозяйственную дѣятельность, а вѣдь отъ «состоянія частныхъ хозяйствъ и капиталовъ» зависитъ и состояніе источниковъ, «обогащающихъ общественное сокровище». Сама финансовая политика, преслѣдующая только казенную выгоду посредствомъ систематическаго возвышенія налоговъ, не выдерживаетъ никакой критики — отъ нея всюду народъ «обѣднѣлъ», и можетъ случиться, что правительство, продолжая политику вымогательства, доведетъ народъ до полнаго обнищанія. А между тѣмъ частное благосостояніе — основа благосостоянія общественнаго — неустанно повторяетъ ученый адмиралъ. Предлагая правительству возможно бережнѣе обращаться съ частной собственностью, Мордвиновъ, какъ и фритредеръ Тургеневъ, является сторонникомъ подоходнаго налога, только на одинъ чистый доходъ. Existenz-minimum равенъ 1.000 рублей, съ которыхъ поступаетъ налогъ въ размѣрѣ 1 рубля. Свыше 10.000 руб. поступаетъ въ казну по 1% съ объявленнаго дохода. Но, чтобы въ странѣ было обиліе капиталовъ, для этого необходимо улучшеніе народнаго хозяйства, поднятіе частнаго благосостоянія. Правительство, не вмѣшиваясь въ хозяйственную дѣятельность индивида, однако, должно принять всѣ мѣры къ устраненію условий, дурно на нее вліяющихъ. Отсюда вытекаютъ заботы правительства о развитіи національной индустріи, осуществляемая отчасти при посредствѣ покровительственной таможенной политики, такъ

**Таможенные
взгляды.**

какъ страна не можетъ быть богатой, если въ странѣ не развиты торговля и промышленность, а вѣдь богатство народа—богатство казны. Вотъ почему Мордвиновъ въ теченіе всей своей государственной дѣятельности выступалъ сторонникомъ покровительственной таможенной политики, «дабы остающіеся въ Россіи частные капиталы могли способствовать расширенію внутренняго торговаго и народнаго производства». Поэтому «произрастенія чужихъ краевъ, коихъ не порождаетъ собственная земля, или порождаетъ, но недостаточно, могутъ свободно входить въ границы наши, по рукодѣльнымъ произведеніямъ, кои могутъ и должны вырабатываться внутри своего государства, надлежитъ подвергнуть запрещенію. Сіе тѣмъ удобнѣе и съ меньшимъ для пристрастныхъ къ иностранному стѣсненіемъ возможно было бы сдѣлать, чѣмъ вѣдѣнное было бы приложено попеченіе о скорѣйшемъ введеніи и распространеніи внутри Россіи всѣхъ возможныхъ рукодѣлій и художествъ».

По вопросамъ таможенной политики Мордвинову пришлось впервые высказать свое мнѣніе въ связи съ вліяніемъ на народное хозяйство континентальной системы и введенія въ дѣйствіе тарифа 1810 года. Для Мордвинова нарушеніе Россіей принятыхъ на себя обязательствъ въ видѣ континентальной системы является государственной необходимостью. Она нисколько не убила англійской торговли и промышленности, скорѣе даже способствовала ея расширенію. Лишенная привозимаго сырья, она принуждена была «отыскивать въ пѣдрахъ своихъ желѣзо, включить въ число посявовъ своихъ и коноплю, обращать болотныя и низменныя мѣста подъ ленъ, заводить парусныя фабрики», а между тѣмъ всѣ эти продукты раньше вывозились изъ Россіи. Прекращеніе вывоза сокращаетъ обороты торговли, наноситъ непоправимый ударъ народному благосостоянію, — вотъ почему необходимо отступить отъ континентальной системы. Болѣе опредѣленно на задачи таможенной политики высказался Мордвиновъ въ книгѣ «Нѣкоторые соображенія по предмету мануфактуръ въ Россіи и о тарифѣ», появившейся въ свѣтъ въ связи съ выработкой новаго тарифа 1816 года. Мордвиновъ констатируетъ недовольство высокими цѣнами и «на сдѣланное правительствомъ воспрещеніе прихода товаровъ въ Россію»: Россія, по мнѣнію этихъ лицъ, должна быть земледѣльческой державой. Конечно, съ такимъ положеніемъ Мордвиновъ не можетъ согласиться: земледѣльческая страна можетъ прокормить ограниченное количество населенія, — а увеличеніе роста населенія влечетъ за

собой развитіе подсобныхъ промысловъ, могущихъ дать избытокъ населенія средства для существованія. Вотъ почему думаетъ Мордвиновъ, что «введеніе разнообразныхъ ремеслъ и искусствъ есть одинъ изъ благонадежнѣйшихъ способовъ къ умноженію общественнаго продовольствія и неоскудному доставленію работъ и упражненій для каждаго пола и возраста». Плохое состояніе земледѣлія въ Россіи всецѣло объясняется тѣмъ, что въ Россіи мало фабрикъ, «да и можетъ ли оно быть совершенно, когда нѣтъ у поселянина порядочныхъ ни орудія, ни сруби, ни прочихъ принадлежностей хозяйства»? Кромѣ того, въ Россіи такого рода климатическія условія, что требуютъ развитія не земледѣльческихъ промысловъ, а то «по климатическимъ условіямъ нашъ крестьянинъ полгода долженъ оставаться безъ работъ». Образованіе промышленныхъ центровъ увеличиваетъ емкость внутренняго рынка и «создаетъ рынокъ для произведеній сельскаго хозяйства, которыхъ теперь не находятъ сбыта». Поэтому и землевладѣльцы заинтересованы въ ростѣ промышленности. Кромѣ того, и земледѣліе выиграло бы оттого, что часть капиталовъ», наживаемыхъ промышленниками, употреблялась бы частью и на сельское хозяйство». Для блага города нужны и земледѣлецъ, и ремесленникъ, и фабрикантъ, и заводчикъ, и купецъ, ибо «народъ, имѣющій токмо земледѣльцевъ и купцовъ, коснѣетъ въ бѣдности и всякихъ недостаткахъ, не можетъ быть народомъ свободнымъ, ибо зависитъ отъ другихъ державъ. по удовлетворенію первѣйшимъ его нуждамъ, не пользуется политической свободой, пужлою всякому народу, желающему быть властелиномъ и независимымъ на своей землѣ». Безъ промышленности народъ не можетъ быть ни просвѣщенъ ни богатъ. Самая отсталость Россіи отъ другихъ народовъ въ обогащеніи — результатъ предпочтенія сельскихъ занятій городской промышленности. Развитіе торговли и промышленности создастъ для страны благоприятный расчетный балансъ, а это, въ свою очередь, положительнымъ образомъ повліяетъ на курсъ ассигнацій. Вотъ почему, имѣя въ виду поддержку отечественнаго производства, Мордвиновъ былъ противникомъ либеральнаго тарифа 1816 года.

Являясь сторонникомъ покровительственнаго тарифа, Мордвиновъ не безусловный противникъ свободной торговли. Ея осуществленіе возможно при условіи всеобщей свободы торговли, «чтобы всѣ народы, участвующіе во внѣшней торговлѣ, едино-

гласно между собою условились уничтожить всё вообще воспретительныя по торговлѣ узаконенія».

Образованіе національной индустріи разрушить натурально-хозяйственный укладъ страны, которая тѣмъ самымъ перейдетъ къ мѣновому хозяйству. Новыя формы хозяйственной жизни требуютъ организаціи кредита, и Мордвиновъ составилъ проектъ открытія банковъ въ цѣляхъ полученія дешеваго кредита, безъ котораго немыслима прогрессивная экономическая жизнь въ странѣ.

Являясь сторонникомъ покровительственныхъ тарифовъ, Мордвиновъ въ то же время настаивалъ на необходимости завоевыванія новыхъ рынковъ для сбыта фабрикатовъ. Рынки Россіи не на западѣ, а на востокѣ, въ Азіи: Европа не нуждается въ русскіихъ товарахъ, чего нельзя сказать объ азіатскихъ народахъ. Помимо того, что завоеваніе внѣшнихъ рынковъ увеличитъ производительность національной индустріи — развитіе торговыхъ сношеній сблизитъ народы съ Россіей, заставитъ ихъ относиться съ уваженіемъ къ Россіи. Широко развитыя торговыя сношенія съ азіатскими народами скорѣе подчинятъ ихъ Россіи, чѣмъ только одна завоевательная политика.

Завоеваніе рынковъ.

Тарифъ 1816 года не смутилъ Мордвинова и не измѣнилъ его экономическихъ убѣжденій, остававшихся и впоследствии убѣжденнымъ націоналистомъ-протекціонистомъ.

За исключеніемъ Мордвинова и еще одного неизвѣстнаго автора, протекціонисты не выдвинули больше ни одного талантливаго апологета, что, впрочемъ, и понятно. Протекціонистамъ не было причинъ волноваться, бороться за тарифы, такъ какъ правительственная политика вполнѣ соответствовала ихъ убѣжденіямъ. Нѣкоторое оживленіе въ протекціонистской литературѣ только замѣтно съ 1815 года, когда правительство склонилось въ сторону либеральныхъ тарифовъ. Вотъ тутъ-то и приходилось защищать занятыя позиціи, которыя собирались брать у нихъ штурмомъ фритредеры-крѣпостники. Но и эта литература не отличается оригинальностью. Протекціонисты защищали свою систему не столько исходя изъ общихъ теоретическихъ основаній, сколько имѣя въ виду практическія нужды промышленности и государства.

Протекціонистская литература.

Одновременно съ работой Мордвинова появилась небольшая брошюра неизвѣстнаго автора подъ заглавіемъ: «Отвѣтъ русскаго гражданина на вопросъ: полезно ли заводить въ Россіи и распро-

странять мануфактуры». Авторъ, какъ и Мордвиновъ, констатируетъ существующее недовольство высокими тарифами и распространенность убѣжденія, «что государство, имѣющее много земли и, по соразмѣрности, мало жителей, можетъ съ лучшимъ успѣхомъ заниматься земледѣліемъ, нежели мануфактурами и ремеслами, и что привозъ иностранныхъ фабричныхъ издѣлій надобно бы позволить и потому еще, дабы сохранить соревнованіе во внутренней промышленности». Авторъ не согласенъ съ тѣмъ, что мало населенная страна не должна имѣть своихъ фабрикъ и заводовъ, въ особенности такихъ, «коихъ первый матеріалъ не домашняго произведенія». Конечно, земледѣліе необходимо для процвѣтанія страны,—хлѣбъ составляетъ основную потребность населенія, и нѣтъ ни одной страны, въ которой не хватало бы земли для посѣва, однако многія страны предпочитаютъ ввозить чужой хлѣбъ, по производить вмѣсто хлѣба болѣе дорогіе продукты. Лучшимъ примѣромъ этого является Англія. Если слабая населенность Россіи не можетъ служить препятствіемъ къ заведенію фабрикъ и заводовъ, то отсутствіе фабрикъ повлечетъ за собой рядъ неблагоприятныхъ для страны послѣдствій: прежде всего произойдетъ ухудшеніе торговаго баланса, что «можетъ родить пагубнѣйшія послѣдствія для народнаго богатства и финансовъ государства», такъ какъ мы не можемъ «заплатить грубыми нашими производствами за все то, что получали раньше изъ-за границы».

Авторъ отчасти считаетъ справедливыми нападки на дороговизну товаровъ, получаемыхъ изъ-за границы, но эта дороговизна — временная. Какъ только возникнетъ національная индустрія, могущая выдержать конкуренцію, тогда запретительные тарифы теряютъ свое значеніе. А пока этого нѣтъ фабриканты «должны имѣть совершенную безопасность, что иностранныя того рода издѣлія останутся запрещенными, ибо никто не осмѣлится употребить свой капиталъ на такое заведеніе, которое легко можетъ быть разрушено при малѣйшей перемѣнѣ обстоятельствъ». Благодаря этому препятствію фабрикъ устраивается меньше, а потому и товары будутъ стоить дороже. Наконецъ причина дороговизны товаровъ не заключается только въ тарифѣ, но и «злосчастномъ періодѣ 1812 года, въ которомъ разрушены великія прекрасныя произведенія». Переходъ къ свободной торговлѣ только увеличилъ бы дороговизну, вызвавъ паденіе курса ассигнацій подъ вліяніемъ неблагоприятнаго платежнаго баланса.

Ничего подобного не может быть при существовании запретительного тарифа.

Неизвестный автор во многом совпадает съ Мордвиновымъ: у нихъ обоихъ одни и тѣ же теоретическія и практическія основанія. Но были работы, написанныя съ другихъ точекъ зрѣнія. Къ таковымъ слѣдуетъ отнести работу Василевскаго «Краткое разсужденіе о торговлѣ». Авторъ — довольно узкій и отсталый экономистъ. Его теоретическіе взгляды примыкаютъ къ меркантилизму. Вся новѣйшая политическая экономія не оказала на него никакого вліянія. Авторъ — сторонникъ запретительной системы, благодаря которой непрерывно совершается приливъ денегъ въ страну. Пусть «собственные издѣлія и дорожные будутъ обходиться, нежели иностранныя, но когда деньги остаются внутри государства, то это — философскій камень». Только при этомъ условіи виѣшняя торговля станетъ «дѣйствующей» и можетъ стать источникомъ народнаго богатства.

Идя въ разрѣзъ съ Мордвиновымъ, авторъ сторонникъ опеки и регламентаціи промышленности. Онъ рекомендуетъ устройство цеховъ, организацію контроля за работой мастеровъ, требуетъ наказанія дурныхъ мастеровъ и выдачи отличія и наградъ за особенно хорошія произведенія, а также и брака фабричныхъ товаровъ. Все это мѣры чисто въ меркантилистическомъ духѣ...

Изъ изложеннаго теоретическаго спора побѣдителями вышла буржуазія. Правительственная таможенная политика отказалась отъ экономическаго либерализма, и протекціонизмъ торжествовалъ по всей линіи. Сочѣствуя развитію капиталистическаго производства, протекціонизмъ не могъ, однако, поправить финансы страны. Въ этомъ отношеніи всѣ жертвы, принесенныя капитализму, оказались бесполезными.

Да и сама промышленность развивалась медленно. Слишкомъ былъ ничтоженъ ея внутренній рынокъ, ибо деревня, жившая въ рамкахъ натурального хозяйства, почти не покупала городскихъ фабрикатовъ. Существованіе же крѣпостного права и преобладаніе крѣпостного труда въ промышленныхъ предпріятіяхъ задерживало техническій прогрессъ въ нашей промышленности. Только съ отмѣной крѣпостного права, съ торжествомъ свободнаго труда и расширеніемъ емкости внутренняго рынка стала возможна техническій прогрессъ въ нашей промышленности.

В. Пичета.